

Глава 3 – Перемена

«Между жизнью и смертью, ужасная боль разрушит волю человека в жизни. Когда ты столкнешься с этим перекрестком, ты, возможно, пожелаешь склонить себя к глубокому самогипнозу и приглушить нервы, которые передают боль, дабы сфокусировать свое сознание, дабы суметь мыслить за самый короткий период времени, который только возможен...»

Это были последние слова Гэньи, адресованные Силлину, но он их никогда на самом деле раньше не применял, ибо никогда еще он не был так беспомощен, как сейчас.

Гипноз.

Самогипноз.

Все его тело подверглось конвульсиям. Силлин тяжело вдохнул, и глаза его закрылись.

...

Глядя на пик, который поднялся на очередной уровень на экране, рука старика затряслась, когда тот снял свои защитные очки и прислонился лицом к поверхности экрана. Его впалые глаза были полностью прикованы к нему, словно сам старик пытался определить, происходило ли это на самом деле.

Ручка уже повернулась на двести семьдесят градусов; семьдесят пять процентов чипа было активировано.

Он не смотрел на Силлина, находившимся на столе. Старик смеялся в некой искаженной манере. Раз уж показатели жизни Силлина на кардиомониторе все еще уверенно билась, то он, значит, мог повысить показатели еще немного!

Двести восемьдесят градусов...

Двести девяносто градусов...

Триста градусов...

Оборудование постепенно начинало верещать об опасности, но ало-красный предупреждающий сигнал и режущие слух сирены ни в коем разе не отпугнули старика.

В настоящий момент его глаза наполнились безумием.

За его плечами была уже тысяча подопытных объектов, и ни одному из них не удавалось продержаться до трехсот градусов. Но сегодня...

- Хех... хе-хе-хе... Я, тот, которого они зовут Хораем... должен отныне появиться на страницах «Славы» и «кода»!

У Силлина не было Энергии на то, чтобы вслушиваться в слова старика сейчас, а иначе он бы решил, что тот был абсолютным безумцем! Как только он смел мечтать о том, чтобы появиться в «Славе» и «Код» только лишь с этими ресурсами?!

«Слава» и «Код» представляли из себя два самых известных электронных журнала в межзвездной сети. Их восхваляли как «исторические записи» ГАЛа (Галактического Альянса). Стоило только этим журналам появиться на прилавках, как все остальные издания ГАЛы были

обречены на крах. Они также являлись единственными журналами, которые достигли отметки девяносто баллов взноса из ста возможных в электронной системе публикаций, запущенной ГАЛа. Иными словами, достижения каких-либо личностей или же результаты инновационных исследований, напечатанных в этих электронных изданиях, заработали как минимум девяносто баллов взноса.

Каждой выдающейся личности, каждого достижения, каждого исследования, да чего угодно, опубликованного в «Славе» и «Коде» было достаточно, чтобы поставить на уши весь ГАЛ. В «Славе» по большей части печатали о генералах и политиках, в то время как «Код» отдавал предпочтение академикам и техникам.

Не имело значения, были ли записи в этих журналах-гигантах о людях или достижениях; все создавалось на бесчисленной человеческой силе, ресурсах, достатке и времени. Планета Коричневой Земли, на которой находился Силлин, обладала новостями, которые достигали в лучшем случае двадцати баллов вложений, поэтому могли быть отмечены только лишь в изданиях с небольшой влиятельностью. По правде говоря, любые новости, превысившие отметку в десять баллов взноса крутили по планетному телевидению десятки дней подряд, что, однако, в разы уступало продолжительности вещания новостей с девяносто баллами взноса.

Именно поэтому любой бы подумал, что слова старика были не чем иным, как самообманом.

Он повернул ручку еще раз.

Триста десять градусов...

Триста двадцать градусов...

Ди-ди-ди-

Сигнал тревоги становился все более и более назойливым, нетерпеливым, а колебания показателей жизни Силлина на кардиомониторе – все более беспорядочными. Несколько приборов начали испускать дым и трястись с трескающимися звуками, а некоторые кнопки даже взорвались, и ситуация становилась только хуже. Трубки, удерживающие Силлина, и те начали извиваться, словно не могли сдержать нагрузки.

Пинь!

Один из зажимов, стискивающий его палец, отскочил от высокого напряжения.

Пень!

И еще один.

У старика больше не было времени на то, чтобы думать о Силлине, ибо все его внимание поглотили данные на экране. Его пальцы вцепились в ручку, и ему уже не терпелось увидеть окончательные цифры, в то время как кнопки от инструментов и приборов то и дело разлетались в разные стороны.

Времени нет. Силлин прекрасно знал свои лимиты.

Два его освобожденных по счастливой случайности пальца схватились за кнопку, которая скрикошетила от какого-то неизвестного прибора. То был ответ единственного оставшегося проблеска здравого ума Силлина, который остался после его умышленного самогипноза под

действием страшной боли. Еще это был его последний шанс.

Лишь частичка здравомыслия, а ведь какой точный расчет она выдала – беспрецедентно точный; словно контроль и анализ погрешностей, произведенный крайне точным и искусным прибором. Через несколько секунд Силлин выстрелил кнопкой.

Пу-

Она три раза проскочила по полу, стене и перегородке одного из приборов перед тем, как насквозь прошла через глаз старого безумца, поразив его центральную нервную систему в ее высшей части - головном мозге, выводя из строя нейронные сети, тем самым подвергая его мгновенной смерти. Произошло это в тот самый момент, когда пальцы старика плотно вжались в ручку, цифры на которой уже близились к тремстам пятидесяти градусам, а сам он был готов уже внести последние штрихи, поэтому слова о том, что все случилось в последний момент – вовсе не преувеличение. Если бы только ручка повернулась к этой цифре, Силлин бы не выжил.

Благо, старик все-таки был человеком и не подверг-таки сумасшедшим изменениям все свое тело. Сейчас он в окружении своих приборов и инструментов, мертвый, лежал на полу.

В тот момент, когда безумца не стало, все трубки, связавшие Силлина, ослабили хватку. Предупреждение выскочило на верхушке инструмента, и раздался синтезированный голос: «Хозяин – мертв. Начать программу удаления»

Силлин не мог надеяться на полный контроль над своим все еще парализованным телом, ибо повернулся и тут же упал со стола. Встать он не мог. Все, что оказалось ему под силу – это поднять голову и наблюдать за молниеносно сменяющимися друг друга на экране картинками и данными.

Вся информация, которая вот-вот должна была подвергнуться удалению, проскакивала на экране один раз. Сложно было представить, что старик создал столь странную систему удаления данных.

Нельзя было сказать наверняка, смог бы человек генотипа В или А уловить все эти данные и изображения, и даже если бы он смог, то так же точно нельзя было сказать, что он ее запомнит, а ведь речь сейчас идет только лишь об одном экране. Вот только Силлину удалось запомнить информацию сразу с десяти. В прошлом это было бы абсолютно невозможно. Да, до этого его память его не подводила, но его скорость улавливания информации могла бы поспеть за ней, чего уж там говорить о запоминании информации сразу с десяти экранов!

Тело его очень быстро приходило в норму. Взгляд его был беглым, несфокусированным, но на самом деле он всего лишь впечатывал всю информацию с экранов в цемент своей памяти. Вещь, которую ему ввел старик, оказалась некой бомбой – если он не расшифрует эту информацию, то, возможно, даже не узнает о том, как умер.

Спустя пять минут программа удалась окончательно, и вся информация, показавшаяся на экране и касающаяся эксперимента – включая информацию о старике Хорее Хэнсоне – сохранилась у Силлина в голове.

- Удаление программы завершено. Программа саморазрушения запустится через пять минут. Отсчет до опустошения начнется через...

Черт!

Силлин выругался. Он шевельнул теми частями тела, которые успели восстановиться, приподнялся не без труда и, пошатываясь, поплелся к выходу.

Все двери в подземной лаборатории были открыты. Все остальные комнаты здесь использовались с целью запаса, например, образцов, еды, аппаратуры, лекарств и прочего. Ядром ее являлась как раз таки та комната, где старик удерживал Силлин, поэтому у него не было ни мыслей, ни желания проверять содержимое других помещений. Положившись на свои воспоминания, он направился по тому пути, по которому его сюда привели.

Все двери были открыты, поэтому двигался он беспрепятственно. Казалось, что все было продуманно заранее – путь занял у него ровно пять минут.

Программа опустошения сработала, когда Силлин достиг вентиляционного выхода в самом конце лаборатории, а в самом центре ее в это время появилось углубление, похожее на зыбучие пески, которые становились только больше, и вскоре обратили все – пол, оборудование лаборатории, и даже мертвого старика – в песок. Площадь распространения опустошения начала расширяться. Когда Силлин выбрался из вентиляционного выхода и пролез в здание, через которое сюда в лабораторию и попал, опустошение добралось и до вентиляционного люка.

Времени на отдых у Силлина не было. Он знал, что так называемая «программа саморазрушения» старика не ограничится опустошением. Дабы удостовериться себя, что его исследования не будут скомпрометированы, он даже привязал собственную жизнь к каждой программе в этом месте. Раз уж он оказался таким безжалостным, то наверняка подготовил и более тщательное уничтожение.

К счастью, солнце еще не взошло, людей на улицах не было видно. Под покровом темноты Силлин двигался вперед, держась хибар и карнизов. Если его обнаружит «Небесное Око», то все его старания превратятся в ничто.

Само собой, совсем недолго после побега Силлина звук взрыва разбудил всех людей в округе. В небе возвысилось грибовидное облако. Ослепительное пламя. Глубокая и широкая пропасть в земле. Здания, оказавшиеся под действием взрывной волны, разрушенные, остались стоять со сломанными стенами в стадии полного крушения. Дети, пробудившиеся ото сна взрывными звуками, истошно вопили и плакали, в то время как взрослые не переставали ругаться благим матом.

Еще до того, как любой любопытный человек успел приблизиться к области взрыва, белый свет сошел с небес, накрывая ее всю световой клеткой и изолируя от внешнего мира. «Небесное Око» дало свой ответ; не придется долго ждать того момента, когда на улицы выйдут полицейские патрули и начнут выведывать все подробности произошедшего.

Но Силлина это не волновало. Когда он вновь оказался в своей просторной комнате из десяти квадратных метров в своей бедной зоне, его нервы медленно, но верно и постепенно расстались с напряжением, пока сам Силлин проваливался в крепкий сон.